

По поводу исторических памятников. Легендарные и сентиментальные сюжеты в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина

Агнеш Дуккон

(Будапешт, Венгрия)

В 1960-е годы, до и после 200-летнего юбилея со дня рождения Карамзина, в русском и зарубежном литературоведении значительно возрос интерес к творчеству писателя. Появились переиздания его произведений, вышли новые издания полного собрания сочинений Карамзина, а также его избранных произведений. Кроме этого появились труды о восприятии его произведений за границей, о переводах на иностранные языки, о значении писателя в развитии русской малой прозы, об участии Карамзина во внедрении сентиментализма в России и т. д.¹ Далее из специальной литературы можно выделить жанрологические исследования, занимающиеся прежде всего внутренним многообразием «Писем русского путешественника»². Большинство ученых подчеркивается двойственное видение (double vision of the letters) «Писем», т. е. субъективные

- 1 NEBEL, H. M.: *N. M. Karamzin: A Russian Sentimentalist*. The Hague, 1967, KANUNOVA, F.: *Iz istorii russkoj povesti (istoriko-literaturnoje značenije povestej Karamzina)*. Tomsk, 1967, ROTHE, H.: *N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans*. Berlin, 1968, BLACK, J. L. (ed.): *Essays on Karamzin: Russian Man-of-Letters, Political Thinker, Historian, 1766–1826. (Slavistic Printings and Reprintings; 309)*. The Hague; Paris: Mouton, 1975.
- 2 ROBOLI, T.: *Literatura putešestvij*. In: ÈJCHENBAUM, B., TYNJANOV, Ju. (red.): *Russkaja proza*. The Hague, 1963, ANDERSON, R. B.: *Karamzin's Letters of A Russian Traveller: An Education in Western Sentimentalism*. In: BLACK, J. L. (ed.): *Essays on Karamzin: Russian Man-of-Letters, Political Thinker, Historian, 1766–1826. (Slavistic Printings and Reprintings; 309)*. The Hague; Paris: Mouton, 1975, SORNIKOVA, M. Ja.: *Žanrovaja model' novelly v «Pis'mach russkogo putešestvennika» N. M. Karamzina*. In: *Žanrologičeskij sbornik*. Vypusk 1. Elec: EGU im. I. A. Bunina, 2004.

рефлексии повествователя и вставные материалы (литературные резюме, анекдоты, философические рассуждения, театральные обзоры и т. п.). Р. Андерсон полемизирует с концепцией советских литературоведов, слишком резко отделяющих друг от друга т. н. «реалистические» и «не-реалистические» слои произведения. По его мнению, культурно-исторический материал и сообщения об интеллектуальных переживаниях и чувствах Путешественника органично дополняют друг друга, создают единство в настроении и повествовании, а это достигается через действие т. н. воспитательного принципа автора: «But there is a unity of design in the *Letters* that joins the two separate documents and accomplishes a single overall effect as each is based on an educative principle. Each document chronicles a flow of information and values that were then moving from the West into Russia.»³ Сорникова посвящает свою статью анализу вставных новелл в «Письмах», она усматривает в них выражение оттенков разных чувств, изучение «нравственных феноменов» человека; незаконченность и «неполноту» историй считает жанрообразующим элементом⁴. Эти вставные эпизоды, истории, пересказы легенд (часто «по поводу» какого-нибудь исторического памятника) и трогательных или трагических событий обуславливают недосказанность и фрагментарность повествования, что «допускает возможность читательских трактовок событий.»⁵ В крупных работах Ю. М. Лотмана и И. З. Сермана также акцентируется открытость и диалогичность «сотворения» Карамзина, у первого в центре стоит исследование поэтического своеобразия произведения, у второго идет речь о соотношении филологических фактов и писательской концепции в структуре «Писем».

В произведении Карамзина заслуживают особенного внимания те миниатюрные рассказы, которые включаются в описания различных памятников искусства. В настоящей статье речь будет идти о трех интересных сюжетах, которые связаны с некоторыми памятниками или зданиями, увиденными во время путешествия, и в центре рассказов стоят женщины и их чувствительные истории. Первый эпизод — это пересказ приключения графа Глейхена в связи с памятником в эрфуртском монастыре на Петровой горе, второй эпизод рассказывается Карамзиным после ознакомления с надгробным монументом *прекрасной жене* в деревне Гиндельбанк в Швейцарии, а третий эпизод — история *бедной Луизы*, рассказанная Путешественнику матерью девушки

3 ANDERSON, R. B.: *Karamzin's Letters of A Russian Traveller: An Education in Western Sentimentalism*. In: BLACK, J. L. (ed.): *Essays on Karamzin: Russian Man-of-Letters, Political Thinker, Historian, 1766–1826*. (Slavistic Printings and Reprintings; 309). The Hague; Paris: Mouton, 1975, s. 23.

4 SORNIKOVA, M. Ja.: *Žanrovaja model' novelly v «Pis'mach russkogo putešestvennika» N. M. Karamzina*. In: *Žanrologičeskij sbornik*. Vypusk 1. Elec: EGU im. I. A. Bunina, 2004, s. 31.

5 Там же, с. 33.

в опустошенном дворце «Мадрит» возле Парижа. Эпизоды не имеют никакой органической связи между собой, хотя они вместе с другими пестрыми «рассказами-мозаиками» обогащают канву произведения в целом. Но при чтении тем не менее бросаются в глаза общие мотивы: жертвенность любящей женщины, сила супружеской любви или память о любимой, потерянной дочери. Главной двигающей силой отдельных историй является беспредельная любовь, в счастливой и трагической вариации.

Первая тема, рассказанная Путешественником по поводу надгробного памятника графа Глейхена, уходит корнями в средневековье, во времена крестных походов, в XI век. Карамзин познакомился с этой историей в Эрфурте и в письме, датированном 22 июля 1789 года, рассказывает следующие подробности. Приехав из Веймара в Эрфурт, он остановился в трактире, выпил чашку кофе и пошел на Петрову гору (Petersberg) в бенедиктинский монастырь, посмотреть надгробие Глейхена. Интересно, что писатель не указывает на источник, где он читал или от кого слышал, что стоит посмотреть именно этот памятник. Он попросил одного тамошнего монаха, чтобы тот показал ему, где погребен граф Глейхен.

А. Легенда и ее нарративное оформление

В письме резко меняется повествование: после нейтрального стиля обычных путевых записок автор вдруг меняет тон, передает необыкновенную историю графа в легендарном стиле, словно надевая на себя старинную повествовательную маску. Вот краткое содержание «легенды»: граф Глейхен со своей дружиной пошел сражаться против магометанцев на Святую Землю, после многочисленных подвигов он попал в плен и стал рабом богатого сарацина, у которого он должен был работать садовником. Возможность освобождения открылась ему через дочь его господина: прекрасная сарацинка часто слышала грустные песни и стоны пленника, влюбилась в него, но из-за стыдливости долго не решилась признаться в любви. Здесь интересно будет непосредственно «послушать» слова рассказчика о всемогущей любви, так как в самом синтаксисе, в отрывистых предложениях размеренное повествование моментально превращается в динамическое описание бегства и одновременно содержит психологическое объяснение поступка графа:

«Наконец искра вспыхнула — стыдливость исчезла — любовь не могла уже таиться в сердце и огненной рекою излилась из уст ее в душу изумленного графа. Ангельская невинность ее, цветущая красота и способ разорвать цепь неволи не дали ему вспомнить, что у него была супруга. Он клялся сарацинке вечно любить ее, если она согласится оставить своего отца, отечество и бежать

с ним в страны христианские. Но она уже не помнила ни отца, ни отечества — граф был для нее все. Прекрасная летит, приносит ключ, отпирает дверь в поле — летит с своим возлюбленным, и тихая ночь, одев их мрачным своим покровом, благоприятствует их побегу.»⁶

Когда они приехали в отечество графа, все подданные с радостью встречали его, и жена бросилась в его объятия. Тут настал момент разоблачения истины в прямом и переносном смысле: граф — стараясь скрыть *слезы* — признается в клятве любви, данной им сарацинке ради освобождения из плена, а сарацинка снимает флер, «открывает свое лицо, бросается на колени перед графиней»⁷ и с *рыданием* предлагает быть ее рабой. Графиня великодушно поднимает ее со словами: «Ты сестра моя, [...] супруг мой будет твоим супругом; разделим *сердце* его.»⁸ История оканчивается благополучно: «все *обнимаются* и *клянутся любить* друг друга до гроба. Небеса благословили сей тройственный союз, и сам папа утвердил его.»⁹ В конце рассказа голос «рассказчика» легенды переходит в голос Путешественника: «Мир и счастье обитали в графском доме, и верные супруги были погребены вместе — в Эрфурте, в церкви бенедиктинского монастыря — и покрыты одним большим камнем, на котором рука усердного художника вырезала их изображения. Я видел сей большой камень и благословил память супругов.»¹⁰ Личное свидетельство и субъективное мнение автора подчеркивает в истории не приключенческий и легендарный характер, а силу любви, которую он считает более ценным и наставительным моментом для читателя. Исторический памятник дал повод рассказать интересную легенду, а сама история открыла возможность изобразить силу любви — даже в двух вариациях: страстная, «пылающая» и жертвенная любовь сарацинки вступает в союз с верной супружеской любовью и великодушием графини — и в этих душевных ценностях таится такая же самоотверженность, как и в чувствах восточной девушки. На наш взгляд, тут просматривается сентиментальный прообраз романтической ситуации в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина, с определенными модификациями: страстная, «восточная» любовь Заремы и тихая, жертвенная любовь христианской пленницы Марии. Эти стереотипы женщин были разработаны в поэмах Байрона, Пушкин обогатил женские образы и дал им большую

6 KARAMZIN, N. M.: *Pis'ma russkogo putešestvennika. Povesti*. Moskva, 1980, s. 127. В этом маленьком отрывке бросаются в глаза глаголы, передающие движение чувств и динамику действия.

7 Там же, с. 127.

8 Там же, с. 128.

9 Там же, с. 128. Слезы, рыдание, объятие, клятва, жесты и различные признаки сильных чувств являются самыми типичными цехами сентиментального рассказа. Курсив А. Д.

10 Там же, с. 128.

психологическую достоверность. В этом контексте художественная заслуга Карамзина становится достойной особенного внимания.

Б. Филологический фон сюжета

Мне недавно удалось найти средневековый источник легенды о графе Глейхене и ее варианты, странствующие по Средней Европе XVI–XVIII веков. Исследуя старые европейские (венгерские, немецкие и польские) календари, я нашла эту историю в немецком календаре на 1635 год, изданном в Силезии, в городе Бреслау, т. е. Вроцлаве, в типографии Бауманна.¹¹ Составитель календаря — знаменитый математик и полигистор своего времени, Давид Фрëлих (1595–1648), венгерский подданный немецкого происхождения (ungarn-deutsch)¹². Он родился и жил в Спише, в городе Кежмарок (Kaisermarkt, Késmárk), продолжал традицию своих предков, протестантских учителей, обучался в различных немецких городах, среди них и в Виттенберге. В 1610-е годы он посетил Прагу, где познакомился с Кеплером. В его календарях, изданных с 1623 по 1648 в Бреслау, много интересных научных материалов: он публиковал длинные трактаты об астрономии, географии, истории, этнографии, освещал фольклорные темы, например верования, собранные им во время путешествия по Литве. Для нас представляется интересным открыть происхождение легенды о графе Глейхене: Фрëлих, к счастью, был настоящим филологом и обычно сообщал источники, откуда брал свои темы. В данном случае он называет одну средневековую немецкую хронику («Düringische Chronika»), затем записки немецкого ученого Йоанна Манлиуса из 1571, а также геральдическую работу немецкого протестантского богослова Кириака Шпангенберга¹³. Самым древним из этих источников является т. н. Тюрингская Хроника первой трети XV века: в немецких каталогах я нашла ее три редакции, и упоминания о Глейхене содержатся в Thüringische Weltchronik, 1421, составленной монахом Johannes Rothe. В этой цепи отсутствует одно звено: так как Тюрингская хроника имела различные рукописные варианты в XV–XVI веках, теперь уже невозможно установить, в какой редакции читал Фрëлих историю о графе Глейхене; в репринтном переиздании старой хроники, использованном мной, хотя и упоминаются сведения о походах Фридриха Барбароссы и Людовика

11 Экземпляр находится в Национальной Библиотеке им. Сечени в Будапеште, под шифром RMK III 1510.

12 DUKKON, Á.: *Die Erbschaft des Späthumanismus. Der gelehrte Kalenderverfasser David Fröhlich (1595–1648)*. In: WIEN, U. A., BRANDT, J., BALOGH, A. F. (eds): *Radikale Reformation. Die Unitarier in Siebenbürgen*. Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag, 2013

13 SPANGENBERG, C.: *Adelsspiegel*. Schmalkalden, 1591.

Тюрингийского на Святую Землю, и об участии в сражениях и пленении графа, но легенды в такой подробной, «цветистой» форме там нет¹⁴. Сам Фрëлих много путешествовал по Тюрингии, учился в Виттенберге, таким образом он мог познакомиться с другими редакциями исторической хроники в тамошних библиотеках и даже мог слышать фольклоризированные варианты различных исторических легенд, в том числе и этой.¹⁵

Надгробный памятник семейства графа Фрëлих описывает на основе геральдической книги Шпангенберга, и даже более подробно, чем Карамзин, который собственными глазами видел мраморную плиту. Содержание легенды в некоторых деталях различно в немецком и русском вариантах: Фрëлих более детально описывает исторические и географические координаты легенды, называет поход Фридриха Барбароссы (хотя тут перепутал время, так как граф Глейхен принимал участие в крестном походе с Людовиком Тюрингийском / Landgraf Ludwig von Thüringen, в 1227), а также обстоятельства бегства. В немецком варианте речь идет не о какой-то богатой сарацинке, а непосредственно о дочери султана, ибо граф был в плену у турецкого султана. В конце рассказа говорится и о детях Глейхена: первая, немецкая жена родила ему много детей, а турецкая жена оказалась бесплодной, но это не мешало двум женщинам жить дружно, без соперничества и ревности. Султанская дочь стала любящей нянькой графских детей. Фрëлих — на основе книги Шпангенберга — описывает памятник: граф Глейхен обнимает обеих жен, и их окружают дети. (Интересный пример экфразиса!)

Несмотря на большое временное расстояние между двумя рассказами — почти 160 лет — и культурными различиями двух авторов, все-таки можно уловить в них сходные элементы. На мой взгляд, в самом повествовании, то есть в том, что оба автора с большим участием пересказывают историю о необыкновенной супружеской любви, проявляется некоторое сходство. Но для Фрëлиха более интересны приключения и события, он рассказывает динамично, будто пишет миниатюрный пикареск, а Карамзина более интересуют чувства, поведение действующих лиц, он использует много эпитетов, стиль его явно описательный. Эти различия вытекают из литературного вкуса XVII и XVIII веков: Фрëлих еще стоит ближе к традициям прозы немецкого ренессанса и реформации, а Карамзин идет по следам европейского сентимента-

14 LILIENCRON, R. von: *Düringische Chronik (Weltchronik)*. Jena, 2007.

15 Существуют и поздние немецкие издания (с XVIII по XX век) старых легенд о средневековых семействах и крепостях. Среди них можно найти т. н. современные пересказы истории графа Эрнеста IV Глейхена, которая стала популярной именно как рассказ о двоеженстве. См. *Graf von Gleichen mit den zwei Frauen*. http://www.erfurt-lese.de/index.php?article_id=151. [online]. [cit. 3. 3. 2018].

лизма, пересоздает средневековый сюжет в сентиментальной инструментовке. Фольклоризация исторических легенд — как я вижу на примерах русской и средне-европейских литератур — происходит в конце XVIII, начале XIX века, и старые сюжеты появляются в эпоху сентиментализма и романтизма в новой одежде. Достаточно указать на опыты Жуковского, Пушкина, Гоголя, и я могла бы продолжить примеры также и из венгерской литературы. Сам сюжет — освобождение христианских пленников султанской дочерью — широко известен и в поэзии средне-европейских литератур и фольклора в XVI веке.¹⁶

Следующий эпизод из «Писем...» Карамзина посвящается т. н. монументу *прекрасной жене* в Гиндельбанке (письмо из Берна, 10 сентября 1789 г.). С начала августа 1789 года писатель путешествовал уже по Швейцарии, и в конце лета приехал в окрестности Берна. Здесь он посещает не только город, его с особенной силой привлекает великолепная природа, альпийские горы, озера и долины, и он дает интересные, детальные описания своих прогулок. Он охотно знакомился со здешними людьми, традициями, и таким образом узнал различные предания о крепостях, руинах (например, об опустевшем замке Эрлах) и о других достопримечательностях. Одна из них — это гиндельбанкский *монумент прекрасной жене*, сооруженный в тамошней церкви. Памятник создан немецким художником Налем, которого богатый помещик Эрлах пригласил в Гиндельбанк для создания памятника своему отцу. Между ними возникло разногласие, когда помещик потребовал от художника позолотить скульптуру, а тот видел в этом излишнюю роскошь, портящую памятник. Художник во время работы жил в доме проповедника Ланганса. Когда он кончил работу для помещика, в семье проповедника случилось трагическое событие: умерла родами его молодая прекрасная жена. Налль плакал вместе с неутешным Лангансом, но вдруг у него в голове блеснула мысль создать памятник этой прекрасной женщине. Перо Карамзина мастерски описывает мотивацию художественного творчества: запечатлеть в художественном произведении скоропреходящие человеческие чувства, любовь и красоту. Автор передает слова Наля так:

«Слезы наши текут и в прахе исчезают; изящные произведения художеств живут веками — рука моя, повинувшись сердцу, изобразит на камне твою любезную;

16 В венгерской литературе XVI века известна поэма о любовном треугольнике двух витязей, попавших в турецкий плен, и дочери султана, под заглавием «Силады и Хаймаши». Исследователи нашли параллели в южно-славянском, румынском, словацком фольклоре, но немецких вариантов, тем более генетических связей до сих пор не искали. Мы стараемся дальше продолжать обнаружение «подводного течения» средневековых сюжетов в литературе XVIII–XIX веков.

зрители отдаленных земель захотят видеть сие изображение и в сравнении с ним будут презирать эрлахский памятник.»¹⁷

В повествовании и здесь проявляется та внутренняя двойственность, которую мы видели в истории о графе Глейхене. Путешественник адресует слова к читателям (условным, по канону эпистолярного жанра? или к будущим читателям уже законченного литературного произведения?): «Думаю, что вы читали или слышали о сем памятнике, которого история достойна примечания.»¹⁸ Потом он сразу переходит к рассказу, буквально входит внутрь истории, будто он сам был современником-наблюдателем. Этот «внутренний рассказчик» пропускает точные данные, неизвестно, когда произошла история — важны только духовные и душевные уроки темы: апофеоз любви и сила искусства.

После этого нарративу опять продолжает Путешественник; он очень подробно занимается композицией монумента, образом женщины, символизирующей воскресение, и рассуждает о том, что надпись, сочиненная поэтом Галлером, верно, но несколько многословно передает художественное содержание памятника. Заметим, что в «Письмах...» Карамзина много экфразисов; когда он посещает дрезденский Цвингер, парижский Лувр, базельские и другие картинные галереи, то с большим энтузиазмом рассматривает картины, останавливает свое внимание на самых значительных и так описывает их, как будто в словах перевоссоздает шедевры визуального искусства. Гиднельбанкский памятник также принадлежит к этому компоненту произведения, с той разницей, что в рассказе личные, живые чувства доминируют над профессиональным описанием предмета. Но это делается под знаком сентиментализма, и мы лишний раз можем убедиться, как гармонично создается стиль, композиция и единое настроение в «Письмах русского путешественника».

Третий эпизод связан с предыдущими тем, что и он рассказывается в связи с осмотром некоторого памятника/здания, в этом случае готического замка «Мадрит», построенного в XVI веке недалеко от Парижа. Повествовательная ситуация также сходная: Путешественник узнает трогательную или грустную историю от местного рассказчика/рассказчицы и в письме пересказывает «друзьям» услышанные факты или легенду. В апреле 1790 года он уже находится в Париже, где везде ощущается хаос революции, но несмотря на это он старается исходить весь город, увидеть достопримечательности, ходить в театр, оперу, в гости, совершать прогулки по окрестностям Парижа. Так, Путешественник в меланхолическом настроении бродил по предместьям, забрел в Булонский лес и оказался у вышеназванного готического замка. Ему

17 KARAMZIN, N. M.: *Pis'ma russkogo putešestvennika. Povesti*. Moskva, 1980, s. 212.

18 Там же, с. 211.

открылось довольно печальное зрелище: опустошенный замок, заросший высокой травой, везде «пустота и молчание», и закат солнца еще усиливает грустное настроение. Он захотел видеть внутренние помещения, вошел в замок, и в письме — как и в прежних случаях — подробно описывает читателю мрачные картины разрушения, упадка и собственные рефлексии. На крыльце он заметил барельефы, сцены из «Метаморфоз» Овидия, и как бы не может устоять перед желанием пересказать содержание некоторых изображений, но явно видна сознательная работа автора над композицией, ибо он связывает грустные сцены с печальными реалиями настоящего. «Барельефы крыльца, представляющие разные сцены из *Метаморфоз* Овидиевых, покрылись зеленым мохом; здесь, над пламенным сердцем нежного Пирама, умирающего от любви к Тизбе, развеивается хладная полынь; там время рукою своею изглаживает картины Юнонина мщения, превратившего в пепел злочестную Семелею...»¹⁹

После такой мрачной прелюдии следует описание встречи с бедной старушкой, живущей в этом замке, принадлежащем некогда королю Франциску I. Из разговора выясняется горькая судьба женщины, выгнанной из своей хижинки после смерти ее дочери. Она вспоминает свою милую Луизу, с которой они так счастливо жили. Луиза прекрасно пела, мужчины называли ее соловьем, женщины — малиновкой, ради ее просьб даже заимодавцы были благосклонны и дали время на уплату долгов. Но увы, ее уже нет, она умерла, и мать осталась без опоры; теперь она ночует в этом мрачном замке и живет на подаяния. По-настоящему читатель не узнает «историю» Луизы, фрагментарность разговора и намеки матери внушают лишь подозрение, что причина смерти Луизы кроется в трагической любви, не случайно упоминаются мифы о Пираме и Тизбе и о Семелее в начале рассказа. *Нерассказанная история* или, иначе выражаясь, *рассказ с зияниями*, в намеках, принадлежит к интереснейшим приемам писателя: автор набрасывает некоторые черты сюжета, переплетает их с собственными рефлексиями, и оставляет читателей на этом моменте, допуская свободное дополнение данного эскиза. Таким образом свободные (но не произвольные) ассоциации продолжают возникать и в вертикали времени: у читателей более поздней эпохи уже появляются в памяти рассказы «Бедная Лиза» (1792) и «Остров Борнгольм» (1794), созданные почти параллельно с изданием «Писем русского путешественника», и Рассказчик последнего произведения имеет непосредственную связь с Путешественником.

В заключение можно еще раз отметить, что произведение Карамзина предлагает неисчерпаемые возможности для исследования «Писем русского путешественника»; с компаративистского и филологического аспектов в этой

19 KARAMZIN, N. M.: *Pis'ma russkogo putešestvennika. Povesti*. Moskva, 1980, s. 340.

замечательной прозе периода русского сентиментализма открываются все новые и весьма перспективные мотивы и темы.

Литература:

- ANDERSON, R. B.: *Karamzin's Letters of A Russian Traveller: An Education in Western Sentimentalism*. In: BLACK, J. L. (ed.): *Essays on Karamzin: Russian Man-of-Letters, Political Thinker, Historian, 1766–1826*. (Slavistic Printings and Reprintings; 309). The Hague; Paris: Mouton, 1975, s. 22–37.
- BLACK, J. L. (ed.): *Essays on Karamzin: Russian Man-of-Letters, Political Thinker, Historian, 1766–1826*. (Slavistic Printings and Reprintings; 309). The Hague; Paris: Mouton, 1975.
- Der Graf von Gleichen (Sage)*. In: Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. [https://de.wikipedia.org/wiki/Der_Graf_von_Gleichen_\(Sage\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Der_Graf_von_Gleichen_(Sage)). [online]. [cit. 3. 3. 2018].
- DUKKON, Á.: *Die Erbschaft des Späthumanismus. Der gelehrte Kalenderverfasser David Frölich (1595–1648)*. In: WIEN, U. A., BRANDT, J., BALOGH, A. F. (eds): *Radikale Reformation. Die Unitarier in Siebenbürgen*. Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag, 2013, s. 341–353.
- Graf von Gleichen mit den zwei Frauen*. http://www.erfurt-lese.de/index.php?article_id=151. [online]. [cit. 3. 3. 2018].
- KANUNOVA, F.: *Iz istorii russkoj povesti (istoriko-literaturnoje značenije povestej Karamzina)*. Tomsk, 1967.
- KARAMZIN, N. M.: *Pis'ma russkogo putešestvennika. Povesti*. Moskva, 1980.
- LILIENCRON, R. von: *Düringische Chronik (Weltchronik)*. Jena, 2007.
- LOTMAN, Ju. M.: *Sotvorenije Karamzina*. Moskva, 1987.
- NEBEL, H. M.: *N. M. Karamzin: A Russian Sentimentalist*. The Hague, 1967.
- ROBOLI, T.: *Literatura putešestvij*. In: ÈJCHENBAUM, B., TYNJANOV, Ju. (red.): *Russkaja proza*. The Hague, 1963.
- ROTHER, H.: *N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans*. Berlin, 1968.
- SERMAN, I. Z.: *Gde i kogda sozdavalis' «Pis'ma russkogo putešestvennika» N. M. Karamzina?* In: KOČETKOVA, N. D. (red.): *XVIII vek. Sbornik 23*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 194–210.
- SORNIKOVA, M. Ja.: *Žanrovaja model' novelly v «Pis'mach russkogo putešestvennika» N. M. Karamzina*. In: *Žanrologičeskij sbornik. Vypusk 1*. Elec: EGU im. I. A. Bunina, 2004, s. 30–38.
- SPANGENBERG, C.: *Adelsspiegel*. Schmalkalden, 1591.

Об авторе

Ágnes Dukkon, Eötvös Loránd University,
Institut of Slavic and Baltic Philologies, Budapest, Hungary, dukkonagnes@gmail.com

